

рой формой, то в другом случае меняется не только содержание, но и старая форма.

Испытав воздействие нравственности, политики, права, религии, философии, да и просто обыкновенного житейского общественного мнения, ритуалы не поглощаются ими, а, в свою очередь, влияют на них, влияют на общественное мнение, настроение и формы общественного сознания.

В качестве заключения стоит привести проникновенные слова замечательного русского философа В.В. Розанова. В его «Философии повседневности» сделана, пожалуй, исторически первая попытка осмысления онтологической природы повседневности, понимаемой им как место, дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает человеческая самость. Именно в нем человек становится причастным к миру, преодолевает дистанцию, излечивается от антропоцентрического высокомерия и брезгливости. Он признает только одно единственное разделение: пространство дома, сберегающее тепло бытия, и чуждое «внешнее место», от которого следует беречь себя и дом: «Крепче затворяй дверь дома, чтобы не надуло. Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу. Не сходи с лестницы своего дома – там зло. Дальше дома зло еще потому, что дальше – равнодушие» [15].

Литература

1. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, предания, обряды. М.: ЭКСМО, 2003. С. 5.
2. Ионин Л.Г. Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 122-123.
3. Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. / под ред. Н.С. Демковой М., 1985. С. 94.
4. Семенова Е.А. Народная культура в современных условиях. М.: РИК, 2000. С. 192.
5. Там же. М.: РИК, 2000. С. 39.
6. Военная энциклопедия. В 10 т. / под ред. К.И. Величко. СПб., 1912. Т. 7. С. 354-355.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1975. Т. 8. С. 145.
9. Выготский Л.С. Антология гуманитарной педагогики. М., 1996. С. 178-196.
10. Моз, де Л. Психоистория. М., 1999. С. 145.
11. Набибулин Л.Г. Воспитательная роль воинских ритуалов в формировании морально-боевых качеств российских военных моряков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000. С. 10.
12. Там же. С. 11.
13. Кампарс П.П., Занович П.М. Советская гражданская обрядность. М., 1967. С. 14.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. ??? С. 159.
15. Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1990. Т. 2. С. 524.

УДК 008

Обыденная культура развлечений жителей российского города в творческом наследии И.Г. Прыжова

П.В. Кургузов

УМЦ Объединения организаций профсоюзов Республики Бурятия, ул. Воровского 25, Улан-Удэ, Россия
selenga47@bk.ru

Статья поступила 27.12.2013, принята 14.03.2014

Описаны некоторые виды развлечений русских людей в пространстве обыденной культуры России середины XIX века. Основной фактический материал статьи почерпнут из богатейшего творческого наследия И.Г. Прыжова, имя которого в современной России почти забыто.

Ключевые слова: культура, человек, жизнь, традиция, обычай, обряд, быт.

Everyday entertainment culture of a Russian city in artistic heritage of I.G. Pryzhov

P.V. Kurguzov

Methodical-and-training Centre of Trade Union Association of Republic of Buryatia; 25, Vorovskoy St., Ulan-Ude, Russia
selenga47@bk.ru
Received 27.12.2013, accepted 14.03.2014

The article describes some kinds of the Russian people's entertainments in the space of the everyday culture of Russia in the middle of XIX century. The main facts of the article are taken from the rich artistic heritage of I.G. Pryzhov, whose name is almost forgotten in modern Russia.

Keywords: culture, person, life, tradition, custom, ritual, way of life.

В контексте постановки проблемы изучения особенностей обыденной культуры населения России второй половины XIX века одной из актуальных исследовательских задач является всесторонний анализ: культурного потенциала, культурного ландшафта и культурных форм, в рамках которых отражаются не только трудовая, социальная или общественно-политическая деятельность человека, но и сфера его быта, нравов, обычаев, досуга и развлечений в том числе.

Особый исследовательский интерес вызывает при этом культурная жизнь городов России, как столичных, так и провинциальных. В городах, больших и малых, столичных и губернских, уездных и заштатных, в процессе исторического развития осуществлялось нормирование специфических для каждого отдельного региона типов и форм культурной жизни. С момента рождения и на протяжении всего периода своей истории город созидал и концентрировал, хранил и передавал из поколения в поколение культурные ценности и культурные традиции, что с течением десятилетий и веков привело к складыванию определенного культурного потенциала.

Исследование неисчерпаемого мира отечественной культуры прошлого, и городской культуры в том числе, возможно с учетом самых разнообразных методик, самых разных научных подходов к обобщению громадного эмпирического материала.

Таков, в частности, *мемуарный*, как мы его называем, подход, который характеризуется глубоким изучением исторического мате-

риала на базе мемуарных источников, воспоминаний очевидцев тех или иных событий, научного или публицистического наследия людей, которые жили в те или иные годы, изучали современную для них жизнь, описывали ее и оставили для нас – их потомков – неопределимые богатства своего творческого дарования. Такой личностью для нас является Иван Гаврилович Прыжов.

В этой статье мы не ставим перед собой задачи подробного жизнеописания этого удивительно талантливого человека с трагической судьбой. Это необходимо делать с обстоятельным анализом всей его жизни и творчества. Здесь же кратко отметим лишь основные вехи его биографии.

Родился в Москве в 1827 году, окончил 1-ю Московскую гимназию, учился в Московском университете, изучал русскую словесность и юриспруденцию. Из университета был исключен за революционную деятельность. Служил в Московской гражданской палате, в конторе частных железных дорог, по поручению народовольца Нечаева создавал кружки революционной молодежи. С 5 марта 1870 года – узник Петропавловской крепости. В 1871 году приговором суда лишен всех прав состояния, приговорен к ссылке в каторжные работы на 12 лет и вечное поселение в Восточной Сибири. В 1872 году содержится в остроге города Иркутска, затем отправлен в Забайкалье, на Петровский железодобывательный завод, где до него отбывали каторгу многие декабристы. 1881 год – вышел на поселение. 25 июля 1885 года, борясь с неимоверной нуждой и голодом,

умер. Похоронен И.Г. Прыжов на кладбище Петровского завода, в Забайкальском крае.

Чем же дорого нам творческое наследие И.Г. Прыжова в контексте темы данной статьи? В ответе на этот вопрос сошлемся на мнение одного из первых его биографов – А.М. Альтмана, автора вышедшей в 1932 году в Москве книги «Иван Гаврилович Прыжов», в которой он, в частности, подчеркивает: «Рассеянное по многочисленным столичным и провинциальным газетам, журналам и отдельным изданиям, изъятым в свое время по распоряжению правительства из продажи и библиотек, а ныне ставшим библиографической редкостью, литературное наследие И.Г. Прыжова оказалось уже при первых изысканиях гораздо значительнее, чем это можно было предположить, судя по тем скудным сведениям, которыми мы до сих пор о нем располагали» [1].

Сам же И.Г. Прыжов о своем литературном наследии отзывался так: «Я хотел собрать в одно целое не только археологические факты, но и все слезы, всю кровь, весь пот, пролитые когда-либо народом, – собрать и высчитать, насколько вынесет эта наука счисления» [2]. Немаловажно и то, что он признавал: «Из всего того, что было только напечатано... целая половина была урезана цензурой или мной самим, другая же половина была исковерканной» [3].

Благодаря появившимся в наше время публикациям, хотя и крайне редким, Иван Гаврилович Прыжов известен сегодня как талантливый публицист и ученый, не только историк, социолог, но и, возьмем на себя смелость утверждать, – *культуролог*. Это нетрудно доказать хотя бы кратким перечислением его творческого наследия.

«Целью моих трудов, – пишет И.Г. Прыжов в своем фундаментальном произведении «Исповеди», – было на основании законов исторического движения проследить все главные изменения народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня... Позволю себе думать, что подобная смелость не только была по силам мне, но даже отчасти была исполнена. Материал у меня был собран настолько, что я уже мог его распределить на шесть больших томов, именно:

- 1) Народные верования (в первые дни культуры в средних веках и теперь);
- 2) Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка и драма);
- 3) История русской женщины;
- 4) История нищенства в России;
- 5) Секты, ереси, расколы;
- 6) Малороссия» [4].

Программа, как видим, необычно обширная, даже грандиозная. Выполнить ее целиком, да еще с таким размахом, как этого хотел сам Прыжов («*все* главные явления народной жизни... *с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня* – выделено нами. К. П.), не только Прыжову, но и никакому человеку одному не по силам: здесь авторское увлечение породило и авторское преувеличение. Но, в некоторой степени, отчасти программа эта, действительно, была им выполнена. Это можно доказать простым перечнем его фундаментальных трудов: «Исповедь», «Юродивые и кликуши», «Очерки по истории нищенства», «Очерки по истории кабачества», «Быт русского народа», «Смутное время и воры в Московском университете», «Записки о Сибири».

Кроме того, Прыжовым было выполнено значительное число работ, не вошедших в наш перечень. Это, прежде всего, «История крепостного права», «История свободы», «Поп и монах как первые враги культуры», «История мещан», «История городских сословий», «Памятники народного быта болгар», И, наконец, многочисленно, анонимно и под своим собственным именем рассеянные им по всей периодической печати, статьи, фельетоны и заметки на темы исторические, библиографические и бытовые.

Если мы вспомним при этом, в каких ужасающих материальных и моральных условиях приходилось Прыжову жить и работать, то мы должны будем признать его тружеником исключительным.

На наш взгляд, публикации И.Г. Прыжова выгодно отличаются от традиционных в середине XIX века описаний в жанре сентиментальных путешествий, либо сухих статистических отчетов. Его историко-краеведческие очерки читаются очень легко, но написаны не ущерб научной глубины осмысливаемой проблемы. Читая труды И.Г.

Прыжова, постоянно ловишь себя на мысли о поразительной их актуальности для культуры современной России. Порой думаешь о том, что они написаны не полтора века назад, а в наши дни, и с той поры в обыденной культуре России, как бы, решительно ничего не изменилось. Культура как бы застыла, застыла и не желает ничего менять в своем внутреннем облике.

Взять, например, статью И.Г. Прыжова «Из под Новинского, что в Москве». Впервые она была опубликована в журнале «Голос» № 56 в 1863 году. Об этой статье Прыжов писал издателю Краевскому: «Посылаю вам статью об азартных играх в Москве. Будь я редактором, я бы заплатил за нее на вес золота...» [5].

Сама статья, хоть и небольшая по объему, но весьма актуальна для судеб российской культуры, в том числе и для всех нас – жителей современной России. Читая эту статью, которая посвящена досугу, различным формам развлечений народа в рамках обыденной культуры, постоянно ловишь себя на мысли, что, в сущности, мало что изменилось с тех пор, а в некотором смысле негативные тенденции в развитии так называемой современной «индустрии досуга» сегодня стали еще более глубокие и более тяжелые по своим последствиям.

И.Г. Прыжов начинает свой очерк с того, что в воскресный день «толпы народа тянутся со всех сторон Москвы под Новинское, и, увлекаемые ими, зайдём и мы туда посмотреть, как это веселится православный русский народ в наше просвещенное время...». Далее Прыжов констатирует, что, с какой стороны не зайдёте на гуляние, – первое, что вам встретится: кабаки, единственное место для продажи водки – «место отвратительное, грязное и гадкое». «Теперь, – подчеркивает он, – на месте гуляния народа до тридцати кабаков, которые стоят рядышком, по два и по три, но, несмотря на все это, прежнего, грязного пьянства в десять раз меньше» [6].

Это признание очень любопытно, ибо даёт представление о том, что же творилось в Москве раньше, во времена так называемого «грязного» пьянства. «Вообще надо заметить, – продолжает Прыжов, – что с появлением «дешевого» вина особенно пьянствует у нас лишь одна городская чернь: мещане,

цеховые и уличные женщины, народ же сильно воздерживается» [7].

Далее Прыжов рисует такую картину. За кабаками гуляния идет целый ряд увеселений. Прежде всего, большие балаганы с различными увеселениями и с балконами, на которых представляется одна и та же безобразная штука: «как хозяин немец, одетый в трико, лупит паяца – русского мужика, обучая его солдатскому ремеслу или фокусам. Как не постыдно это зрелище, – отмечает Прыжов, – но оно привлекает постоянно толпы народа, которые, не уминаясь перед балаганом, собираются на бульваре, толпа скатывается на улицу, экипажи останавливаются, и «маленькие дети вместе с маманьками смеются тому, как славно дует немец русского...» [8].

Здесь же следует описание различных восковых фигур и так называемых «самокатов». Как разъясняет Прыжов, самокат – это двухэтажное здание, в котором внизу размещаются кабаки или публичная лотерея, а наверху собирается молодежь обоего пола, для развлечения которой приглашаются «девицы», играет музыка и поют русские песенки. Исполнители этих песенок набираются из промотавшихся и пропившихся купцов, мещан и цеховых. Прежде они обитали в винных погребах в Замоскворечье и у дальних застав, т. е. на окраинах города, теперь же получили известность в больших трактирах и праздничных балаганах.

«И эти полупьяные “певцы”, – пишет Прыжов, – число которых все увеличивается, и их площадные, часто крайне безобразные песни, привлекающие постоянно многочисленную публику, лучше всего говорят вам о той степени нравственности, до которой доходит наше среднее сословие» [9].

Прочитав эти строки, невольно сравниваешь их с нашими сегодняшними так называемыми «ночными клубами» и дискотеками, с которыми описанные Прыжовым заведения различаются только тем, что в них не использовали фейерверки, после которых сотни наших молодых современников сгорели заживо, и что в те времена там еще не продавали наркотики.

Из чисто народных увеселений Прыжов называет лишь *качели*, под управлением артели крестьян в будни и под управлением землекопов и возчиков – в праздники, и *ра-*

ек, в котором наблюдалась, по его определению, «убийственно злая и меткая народная сатира, но подчас крайне безнравственная».

Прыжов проводит своего рода социологический анализ, отмечая, что коньки, раек и Петрушка больше популярны у детей, на самокатах катаются, как правило, только горожане да загулявшие, в балаганы ходят купечество да господа, а собственно для народа остаются качели да еще... азартные игры.

«Да, господа, мы созрели: днем при свете, при всем честном народе и при всей полиции у нас на площадях происходят азартные игры, да еще какие!», – восклицает Прыжов [10].

Здесь надо дать небольшое пояснение. «Мы созрели» и «мы не созрели» были двумя формулами общественного движения начала 60-х годов XIX столетия и вошли в обиход со времени публичных выступлений Н.А. Добролюбова в журнале «Свисток», в котором были опубликованы несколько сатирических статей и стихотворений. Саркастически звучит это – «мы созрели» – и в устах Прыжова.

В частности, он отмечает, что азартные игры были порождением многочисленных лотерей. Из дворянского Благородного собрания, издавна занимавшегося лотереями в пользу бедных, детских приютов и евангелического общества, да из театральных маскарадов, разыгрывающих лотереи уже неизвестно, для кого и для чего, лотереи перешли на улицу и сделались общенародным достоянием.

В начале 60-х годов XIX столетия в промышленности и торговле России дела шли не так хорошо, как этого хотелось бы, и торговцы искали более легкой наживы, получения прибыли с помощью всевозможных лотерей. В городских торговых рядах разыгрывались галантерейные вещи, в кондитерских – конфеты, в книжных лавках – книги, в других местах – духи, папиросы. Но постепенно из лавок и магазинов лотереи вышли на улицы.

В Москве в это время на улицах были целые толпы различных торговцев, стоявших возле своего товара с билетиками в руках и предлагавших копейки за три выиграть пряники, конфеты и галантерейные вещи. «Дело оказалось выгодным, – отмечает

Прыжов, – больше чем ожидалось прежде, и на Пасху чуть ли не под каждым балаганом явились лотерейные лавки, где публично, безнаказанно и дерзко, предлагали за цену от 5 до 25 копеек выиграть все что угодно, начиная от самоваров и чемоданов – до запонок, браслет, серег, шалей и всевозможных платков и платочков. Тут же явились и азартные игры, нечто вроде парижской рулетки» [11].

На улицах и площадях, отмечает Прыжов, устанавливались огромные складные столы, чтобы в случае какой-либо угрозы его можно было быстро сложить и исчезнуть. Хозяин-игрок стоит у стола и кричит: «За копейку – 6 копеек, за копейку 12 копеек, за копейку 24 копейки!». Чуть заметил, что подошли люди богатые или подгулявшие, он тотчас же переменяет ставку и кричит: «За копейку – 40 копеек, за копейку восемь гривен, за копейку – 1 рубль 60 копеек!». В одну минуту все кружки уставлены копейками. Игрок пускает из деревянного стакана шарик; он катится по столу между двумя рядами начертанных кругов, и перед которым останавливается, тот и выигрывает.

Обыкновенно бывает так: раз-два выиграют посторонние, а двадцать раз выиграет сам владелец игорного стола, и это тем более незаметно, что игра идет быстро.

«В первый день Пасхи, – отмечает Прыжов, – утром было не больше пяти столов. Полиции не было заметно... В тот же день, вечером, явилось 10-15 столов, а к концу праздника больше сотни. Решительно все пространство между балаганами было занято игорными столами. Шла страшная игра» [12].

Далее И.Г. Прыжов пишет, как долго он отыскивал полицию, чтобы прекратить жульничество и обман народа, но когда нашел, то вот что услышал: «Не ваше дело, иначе я вас самого возьму в часть».

Как это похоже на наши российские будни, когда не только работники милиции, но даже руководители прокуратуры той же Москвы «крышуют» игорные дома и казино и получают за такие «развлечения» сотни миллионов дохода.

Прыжову пришлось обратиться к жандармскому полковнику Воейкову и одному из адъютантов московского губернатора. Подойдя к играющим, полковник взял пер-

вый попавшийся стол и изломал его. Игроки разбежались, а народ стал крушить и ломать все остальные столы и собирать рассыпанные деньги.

Далее Прыжов отмечает, что из Новинского игорные столы распространились по всей Москве. 1 мая в Сокольниках Прыжов насчитал десятки лавок с лотереей, а игровых столов было столько, что «со счету сбился».

«Таковы-то, господа, у нас в Москве народные забавы, – констатирует в заключение Прыжов. – Народ, тысячами посещающий старую столицу, не найдет в ней ни школ, ни театров, которые он мог бы завести сам для себя и по-своему; но найдет сотни гостиниц, трактиров и харчевен, где, несмотря на все запрещения, есть и музыка, и девицы, и цыгане; выйдет он на гуляние – и тут найдет новые сети, расставленные ему услужливой нашей цивилизацией» [13].

Такова, скажем мы, «маленькая картинка для выяснения больших вопросов», касающихся сферы обыденной культуры русских

людей середины XIX века, черты которой можно легко найти и в сфере культуры повседневности России начала XXI века. Получается, что, несмотря на большой временной разрыв, проблема эта не утратила своей актуальности и до сих опр.

Литература

1. Альтман М.С. Иван Гаврилович Прыжов и его литературное наследие: Очерки. Статьи. Письма. М.; Л., 1934. С. 7.
2. Там же. С. 9.
3. Там же.
4. Там же. С. 20.
5. Там же. С. 444.
6. Там же. С. 236.
7. Там же.
8. Там же. С.237.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же С. 238.
12. Там же.
13. Там же. С. 239.